

ЮЛИЯ
ВЕНЕДИКТОВА

ОГНЕННЫЙ
ГОРОД

12+

Юлия Венедиктова

Огненный город

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Венедиктова Ю.

Огненный город / Ю. Венедиктова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Более ста лет назад с лица земли бесследно пропал город Сулеж. В наши дни группа школьников находит таинственные артефакты, способные вернуть древний город из небытия. И всё бы было хорошо, если в дело, как водится, не вмешивались бы тёмные силы.

**Глава первая,
в которой все бегут, а кто не бежит, знает, что опозданий не существует**

1.

Захар как бешеный мчался по переулку. Лицо покраснело от напряжения, потная чёлка слиплась на лбу в несколько тоненьких сосулук, дыхание сдавленными хрипами вырывалось из груди. Развязанные шнурки грязными колбасками шлёпали по лужам, рюкзак чувствительно бил по спине, но не ускорял движение, а лишь тормозил его.

Наконец Захар вырулил на центральную улицу. Поздно! Автобус номер пятнадцать только задом махнул на прощание.

– Вот чёрт! – крикнул Захар и треснул ладошкой по припаркованным у обочины Жигулям.

– Эй, эй! Чего творишь, пацан?! – рявкнул выходящий из придорожного магазинчика водитель в клетчатой кепке. – Тут тебе не рок-концерт, понимаешь, по барабанам стучать. С моей ласточкой осторожнее надо!

– До Красноармейской довезёшь? – поинтересовался Захар, прищурившись.

– До Красноармейской не довезу! Мне, понимаешь, совсем в другую сторону сворачивать, – сказал водитель и открыл дверцу своей ласточки. – Максимум до Электрической могу подбросить, годится?

– Годится, – проворчал Захар, мигом забираясь в Жигули.

Водитель устроился у руля и пристально взглянул на пассажира.

– Деньги покажи, – велел он, сложив пальцы в щепотку.

Захар скорчил недовольную физиономию и полез в рюкзак. Шарился он там минут пять.

– Ты езжай, езжай, – велел он водителю, – я сейчас всё найду.

– Вот найди, тогда и поеду, – отреагировал водила. – Ишь, хитрый какой.

– За сотню-то довезёшь?

– За сотню?! – взвился шофёр. – За сотню пешком иди!

– И не стыдно вам, дяденька, с ребёнка столько бабок рубить, а? Я, может, на завтраках, обедах и ужинах экономлю, только чтобы на машине прокатиться. Ладно, двести пятьдесят, больше не дам.

– Годится. Вот это другой разговор.

Захар извлёк из рюкзака несколько долгожданных бумажек.

Водитель шустро перегнулся через сиденье и вытянул руку.

– Э, нет! – хохотнул Захар, – Сначала довези!

Пока жигулёнок скрежетал, плевался, со скрипом полз к цели, Захар пытался привести себя в порядок – выжал шнурки от грязи, вытер руки о сиденье, потрепал чёлку, чтобы высохла скорее. Расстегнул куртку, похлопал на рубашке жирное пятно непонятного происхождения, застегнул все пуговицы, расправил воротничок. Подсохшую чёлочку прижал ко лбу и улыбнулся своему зеркальному отражению, сложив губы бантиком, – вот ученик, загляденье, а не мальчик. Как такой может прогуливать уроки?! Да никогда в жизни! А сегодня, в день родительского собрания, тем более. И если его сегодня кто-то не заметил в школе, этот кто-то просто очень плохо смотрел.

Даже от водителя не скрылось чудесное преображение пассажира:

– Ну, ты актёр погорелого театра! Просто мальчик-лапочка с царапиной на всю щёку.

– Ой, точно... Как бы её замаскировать?

Захар на секунду задумался, вытащил из рюкзака ручку с самой жирной пастой и нарисовал линию на щеке прямо поверх царапины.

Водитель хмыкнул и затормозил.

– Приехали, плати давай!

Захар схватил рюкзак, стремительно сунул водителю плату и выскочил из машины.

Водила расправил деньги и обомлел – с купюры номиналом в сто рублей на него смотрело киношное чудовище с выпученными глазами – человек-паук, на двух других бумажках красовались Гарри Поттер и ещё какой-то кино-уродец.

В спину Захару понеслись самые грязные ругательства, но он, к своему счастью, был уже очень далеко.

2.

Трёхэтажный особняк в самом центре города много лет стоял заброшенным, и всё это время собирал вокруг себя массу слухов и домыслов. Говорили, что тот, кто туда проникал, назад уже не выбирался; говорили, что Дом в начале прошлого века принадлежал купцу Стрыгину, кровожадному злодею, замучившему в стенах Дома не один десяток невинных жертв, и аура у него зловещая и кровавая.

Много лет назад Дом обнесли уродливым высоченным забором и пообещали снести. Всё обещали и обещали, но не сносили.

Демьяну нравилось смотреть на Дом сверху вниз. К счастью, обстоятельства позволяли. Жил он неподалёку в десятиэтажке, а ключ от чердака раздобыл давно. Подолгу он стоял на крыше, особенно любил там бывать поздним вечером или совсем ранним утром, когда казалось, что ты один остался в этом городе. Проезжают, конечно, никуда их не денешь, шумные светящиеся коробки-автомобили, мелькают силуэты людей, но здесь, над ними ты один, наедине с городом, с небом, с самим собой.

Обнесённое забором здание с крыши десятиэтажки просматривалось хорошо. Демьян подолгу изучал его куполообразную крышу, вытянутые окна. Чтобы рассмотреть остатки лепнины на стенах, нужно было доставать бинокль. А можно просто дойти до Дома и пробраться внутрь.

Дом звал Демьяна. Скорее всего, ему просто так казалось, ему просто до безобразия хотелось иметь с Домом что-то общее. И оно было, снаружи точно. Белой вороной смотрелся этот малыш на фоне прямоугольных жилых коробок, гипер- и супермаркетов и других выкидышей архитектуры. Как сам Демьян смотрелся странно – такой отчуждённый, тонкий, молчаливый – на фоне своих пышущих энергией и жизнью одноклассников. Если внутри Дома всё оказалось бы так же чудно, тонко и изощрённо, тогда Демьян не был бы обманут в своих ожиданиях.

Он спустился к себе, снял с вешалки пальто, сдунул с лаковых ботинок микроскопические пылинки и зашагал в сторону Дома.

3.

Мама Грелкина как раз налила большую кружку горячего жасминового чая, достала из тумбочки контейнер с домашними бутербродами и в предвкушении облизнулась, когда взгляд её упал на монитор компьютера.

«У вас одно новое письмо!» – оповещал браузер.

– Что-то интересненькое, – обрадовалась мама Грелкина и, отправив в рот внушительный кусок колбасы, защёлкала мышкой.

Дорогая мама Грелкина!

Последний раз мы виделись с Вами на родительском собрании в мае прошлого года. Признаюсь, мне казалось, что всё хорошо. Захар – стабильный троечник и лодырь. Точнее, я думала, что он лодырь до сегодняшнего дня. И вдруг вскрываются поразительные подробности.

Оказывается, пятилетняя Анфиса, этот прелестный голубоглазый ангел, которого Вы иногда приводите с собой в школу – настоящий семейный тиран.

Оказывается, это Анфиса рвёт и портит тетрадки Захара, рисует в его учебниках, а когда он учит уроки, специально делает звук телевизора громче.

Оказывается, это Анфиса ломает будильник, чтобы Захар проспал и опоздал в школу.

И, оказывается, Анфиса отбирает у старшего брата завтраки, из-за чего он вынужден есть покупные коржики на уроках.

Дорогая мама Грелкина! Я понимаю, что младший ребёнок в семье, тем более девочка, находится на особом положении. Но права Захара ущемляются настолько явно, что я не могу не прореагировать.

Если Вы не примете меры, я буду вынуждена обратиться в вышестоящие органы.

Напоминаю вам, что сегодня в 18:00 (восемнадцать ноль ноль) родительское собрание. Я вас очень жду, нам есть, что обсудить.

С уважением, классный руководитель 7 «Б» Озерова

Елена Дмитриевна.

Сначала мама Грелкина заволновалась – неужели никто не знает, как её зовут? Почему её называют исключительно «мама Грелкина»?

Потом мама Грелкина задумалась – «вышестоящие органы» – это какие? Директор школы? Министр образования? Полиция?

А потом мама Грелкина испугалась. На следующий год Анфиса в школу пойдёт, а Захар придумал ей репутацию заклятой хулиганки и вредины.

С перепугу она проглотила сразу три бутерброда, не жуя, и залпом осушила кружку чая.

– Вот ведь противная Озерова Елена Дмитриевна, – проворчала мама Грелкина, прикладывая ладонь к пылающему лбу, – весь аппетит испортила!

Она нажала «Ответить на письмо» и застучала по клавиатуре.

Дорогая Елена Дмитриевна Озерова!

Немного подумав, стёрла написанное и начала по новой.

Дорогая учительница Захара!

Я люблю своих детей одинаково сильно. Оба они не ангелы. Анфиса любит ябедничать. Захара не заставишь сесть за уроки. Он целыми днями играет в компьютерные игры или гуляет со своим другом Кузей. Где они пропадают целыми днями, ума не приложу.

На этих словах мама Грелкина снова зависла. Очень непедagogично всё это звучит, однако. Потом мама Грелкина стала ломать голову над другим вопросом – кажется, Кузя – это всего лишь прозвище, и мальчика зовут по-другому. Неудобно как-то получается.

Она сползла со стула и загремела ящиками стола. Под руку попадались ненужные газеты, отчёты, которые требовалось найти в прошлом месяце, а в этом уже совсем неактуальные, глянецовые журналы, кулёк с засохшим пирожным. По безупречно срабатывающему закону подлости, фотография нашлась в самом дальнем отсеке, под стопкой папок.

Кряхтя, мама Грелкина выудила желанную фотографию шестого ещё «Б» класса и выползла из-под стола.

Озерова Елена Дмитриевна смотрела со снимка строго и пронизательно.

«Всё про всех знаю, ведаю», – будто бы говорили её глаза.

– Вот этот лопухий мальчишка – Сашка Табаков, – зашептала мама Грелкина. – Этот, который Захару рожки ставит – Ринат Гилязетдинов по кличке Гильза. А вот Кузя...

А как по-настоящему зовут Кузю, она не вспомнила. Звонить Кузиной маме с вопросами, как она на самом деле назвала своего сына, неудобно. Спрашивать у Захара тем более. Ещё развопится, что невнимательно относится к его друзьям и не помнит о них такие важные подробности как имя, рост и вес.

Мама Грелкина слизнула с пальцев сливочное масло вперемешку с подстольной пылью и застучала клавишами.

Дорогая учительница Захара!

Я, мама Грелкина, одинаково сильно люблю своих детей. И кое-кто, например, Захар, этим пользуется. Пока Анфиса читает, пишет и рисует, Захар...

«Вешает Вам лапшу на уши», – хотела дописать мама Грелкина, но передумала. Стёрла очередную попытку оправдания и решила всё же зайти в школу для серьёзного разговора.

4.

Папа Грелкин вернулся с работы домой, поставил греться чайник и, сунув голову в холодильник, долго и старательно перебирал варианты обеда. Он открывал кастрюльку с содержимым, принюхивался, закрывал глаза и слушал свой организм. Организм либо упорно молчал, либо сигнализировал «не сейчас», «чуть позже» или «вечером». Полным согласием и даже восторгом организм отреагировал лишь на голубцы.

Папа Грелкин с воодушевлением принял пожелания организма и поставил голубцы разогреваться. А пока мясо, завернутое в капустные листья, доходило до готовности, проверил почту. Одно из писем сразу бросилось в глаза.

Здравствуйте, уважаемый папа Грелкин!

Я классная руководительница вашего сына Захара уже много лет, но мы с вами так ни разу и не виделись.

На этих словах папе Грелкину даже стало немного стыдно. Самую малость.

Совсем скоро, а именно через несколько лет, Захар выпустится из школы и отправится в свободное плавание. И когда он будет в нерешительности стоять перед дверьми в большой и такой страшный мир, вы схватитесь за голову и воскликнете – «о, как же я могу помочь своему ребёнку устроиться в этом мире, найти своё место, если я совсем ничего не знаю о его склонностях, способностях и устремлениях, я ведь даже на родительском собрании ни разу не был!»

Тут уж даже не особо стыдливому папе Грелкину стало стыдно совсем!

Чтобы этого досадного недоразумения не произошло в реальности, я приглашаю вас сегодня к 18:00 (восемнадцать ноль ноль) на родительское собрание. Буду ждать.

С уважением, классный руководитель 7 «Б» Озерова

Елена Дмитриевна.

Вообще-то у папы Грелкина были грандиозные планы на сегодняшний вечер – он собирался забрать из детского сада младшую дочь Анфису (если говорить честно, не собирался, просто была его очередь), и со спокойным сердцем завалиться на диванчике перед телевизором. Но будущее Захара было, безусловно, важнее любых заранее намеченных планов.

Папа Грелкин выложил на тарелку горку голубцов и изменил планы на вечер:

Забрать Анфису из детского сада.

Сходить на собрание к Озеровой Е.Д.

Дальше по обстоятельствам.

5.

Тоня катастрофически опаздывала на вокзал. Любимые электронные часы на запястье показывали без пяти минут пять.

Зря она на роликах через полгорода подалась, ох зря. На общественном транспорте именно в этот раз было надёжнее и вернее. Ещё и шлёпнулась в лужу на повороте, колготки на коленке разодрала, руки по локоть в грязи.

– Раз-два, поднажать, – шептала про себя девочка. – Три-четыре, Профессор будет ждать.

Тоня подлетела к вокзалу, когда большое табло на стене показывало двадцать минут шестого.

Как Профессор выглядит, Тоня понятия не имела. На старых фотографиях, которые прислал дедушка, это был молодой человек с горящими глазами и взъерошенной копной волос, но на тех фотографиях, ещё чёрно-белых, и сам дедушка был таким же юным, взъерошенным, энергичным.

Девочка завертела головой в разные стороны. Повсюду сновали люди, но никто из них не был похож на ожидающего встречи приезжего, у всех был чёткий маршрут движения.

И тут Тоня услышала позади:

– Антонина Кулебяка! Мне нужна Антонина Кулебяка!

Тоня обернулась и бросилась к кричащему человеку. Схватила его за локоть и оттащила в сторону.

– Тише вы, – прошептала она, оглядываясь по сторонам.

– Девочка! Вы Антонина Кулебяка! – восторженно завопил человек. – Как же я рад вас видеть. Только посмотрите – настоящая Антонина Кулебяка, – радостно обратился он к окружающим.

– Тоня, называйте меня просто Тоня, – прошипела покрасневшая девочка. – Тоня!

Но гость не унимался:

– Подумать только, а как на деда похожа! Одно лицо просто!

Ещё не лучше... Девочка Кулебяка, похожая на деда.

Тоня возвела к небу лицо, выдохнула и поинтересовалась:

– Где же ваши вещи?

– О, точно! – опомнился Профессор и отцепился от спутницы. – Где-то здесь, я оставил их где-то здесь.

Тоня тоже стала оглядываться в поисках чемоданчика, или раритетного саквояжа, что более соответствовало возрасту приехавшего. Но тут он победно вскрикнул и поднял над головой небольшой, туго набитый рюкзачок.

Только теперь Тоня полностью оглядела гостя – это был худой, ростом чуть выше неё, пожилой человек с всё тем же, как в молодости, живым блеском в глазах и гнездом спутанных волос на голове. Одет он был в клетчатую рубашку и в джинсы. А на его левой коленке красовалась внушительных размеров рваная дыра.

– Упал неудачно, – оправдался он, заметив интерес девочки, а потом перевёл взгляд на её коленку.

Они расхохотались одновременно, и Тоня мигом прониклась симпатией к этому забавному другу деда.

– Ничего, что я на роликах? – спросила Тоня, приближаясь к нему. – Это вам не сильно помешает?

– Никак нет, – отозвался Профессор, и расстегнул рюкзачок. – Не только не помешает, а очень даже порадует.

С этими словами он вытащил из рюкзака точно такие же ролики и хитро подмигнул Тоне.

– Вот это да, – присвистнула девочка.

А Профессор сел прямо на грязный пол, стянул пыльные башмаки и устроил на ногах роликовые коньки.

– Это вообще моё любимое средство передвижения, – объяснил он. – На новом месте не хотелось производить странное впечатление, вот и достал с антресолей башмаки. Догоняйте, Антонина Кулебяка!

– Куда мы сейчас? – крикнула в спину старику поражённая девочка. – Домой?

– Навстречу приключениям! – донёсся издалека ответ.

6.

Когда прозвенел звонок на большую перемену, Озерова Елена Дмитриевна, учительница русского языка и литературы, выгнала детей из класса и заперла за собой дверь, оставив помещение проветриваться. Нетвёрдой походкой она направилась к столовой. День выдался сложный – пятиклашки, как один, не приготовили домашнее задание, шестиклассники вообще подрались на уроке, когда она задержалась в учительской всего-то на семь минут, а эти шало-

паи уже носы себе расквасили! Родной седьмой «Б» тоже как с цепи сорвался – хулиганит, обманывает, болеет. Несколько человек наглým образом прогуливают, а Грелкина выгораживают с небывалой изощрённостью. Эх... А ещё это собрание родительское вечером. Ну почему именно сегодня, когда по телевизору такая передача интересная про магов и экстрасенсов намечается?

Всё волшебное и магическое Елена Дмитриевна любила тайной пламенной любовью, только недоумевала – откуда в ней эта тяга?! Впрочем, всё магическое и волшебное последнее время отвечало Озеровой взаимностью.

Елена Дмитриевна добрела до столовой, купила порцию пюре с тремя сосисками, и направилась к любимому столику в левом углу зала. Все дети знали, что там обедают учителя, поэтому места не занимали. Сегодня на столе лежала кипа бумаг. Елена Дмитриевна присмотрелась и ахнула – это был целый блок, «с мясом» выданный из книги. Страницы пожелтевшие, пахнут гарью.

– Какое кошунство! – возмутилась она и огляделась. – Чья это работа? Кто забыл?

Столовая продолжала гудеть пчелиным ульем, не обращая на свершившееся преступление никакого внимания.

Тогда Елена Дмитриевна присела на стул и присмотрелась. Буквы были незнакомые. Учительница понятия не имела, на каком языке написаны слова.

Хотя постойте... Язык-то был неизвестный, но нечто подобное уже попадалось ей на глаза. В прошлом месяце Елена Дмитриевна обнаружила в своём почтовом ящике брошюрку с точно такими же буквами. А две недели назад ещё одну ей под дверь подсунули.

– Тарабарская грамота какая-то, – проворчала она, кончиками пальцев перелистывая странички.

Ей, как словеснику, всё это было крайне интересно, но только позже, не сейчас, в свободное от отнимающей все силы работы время.

Елена Дмитриевна сунула находку подмышку, и, дожёвывая на ходу сосиски, направилась в учительскую.

В учительской она заглянула в компьютер. В почтовом ящике бултыхались несколько писем от особенно ответственных родителей. Остальные родители скромно промолчали. Елена Дмитриевна расценила это молчание как согласие прийти сегодня в школу.

Звонок на урок застал Елену Дмитриевну врасплох – у неё никак не сходилась электронный пасьянс. Досадно вздохнув, она поспешила наверх, в свои законные владения, с портретами Пушкина и Лермонтова на стенах. Десятый «А» с недовольными физиономиями толпился у двери – мол, что вы у нас драгоценное время от уроков отрываете своими опозданиями?! Но Елена Дмитриевна понимала, что недовольные выражения эти лица приобрели, как только она появилась на горизонте.

В классе было свежо, даже прохладно.

– Одинцов, закрой окно, – велела Озерова и заметила на столе то, чего раньше здесь не было и никак не могло оказаться.

Толстенная книжка, ну словарь Ожегова, ни дать, ни взять, только обложка изысканная, богатая. С вензелями, вышивкой, котом или лисом на обложке, у которого глаза-камешки явно драгоценные, а на лбу третий глаз большой, на изумруд похож. В камнях учительница средней школы разбиралась плохо, и в целом относилась к ним демонстративно равнодушно. В ювелирные магазины не заглядывала – ну чего душу травить камнями? Если только это не кирпич на голову, тогда равнодушие как рукой снимало. К счастью, кирпич угрожал жизни Елены Дмитриевны только один раз, и не нанёс повреждений.

Внутри книги страницы беленькие, лощёные, будто никто и не трогал их ни разу. Но как же никто не трогал, если не хватает без малого пятидесяти страниц?! Выдрать страницы из такой книги – это... это чудовищно!

Елена Дмитриевна приставила найденные в столовой листки к пустому месту, без клея, просто приставила, чтобы проверить свою догадку. А они по размеру подошли и... срослись с книгой. А как только срослись, сразу испарилась с них желтизна, выровнялись измочаленные уголки. Секунда – и не разберёшь, что пахло гарью, а что глянцем блестело.

Кот-лис на обложке сверкнул третьим глазом и вдруг посерел, словно присыпали его, а заодно и всю обложку, пеплом.

Елена Дмитриевна схватилась за голову и ойкнула.

Глава вторая, в которой вроде бы всё как обычно... Всё, да не всё

1.

Захар вбежал в школу без двадцати минут шесть.

– Чего так долго? – набросился на него друг Кузя. – Я замучился тебя выгораживать! И вообще, где ты был, расскажи уже!

– Собрание ещё не началось? – спросил Захар, отдуваясь.

– Неа, ещё даже предки не подошли.

И тут прозвенел звонок на последний для седьмого «Б» урок – английский язык.

Захар тяжело вздохнул и потянул Кузю за рукав на второй этаж.

– Пошли, изображать примерных учеников будем.

– Я, между прочим, – взвился Кузя, – весь день этим и занимаюсь. А Озерова только и бродит вокруг, как церберша – «Где Захар да где?» То в столовке меня отловит, то вообще у туалета.

– Ну, а ты что? Не заложил меня?

– Обижаешь, начальник! Зацени спектр отмазок на сегодняшний день. Первая – Захар сейчас подойдёт. Вторая – нет, Захар ещё не подошёл, но будет с минуты на минуту. Третья – Захар только что был, но пошёл в ту сторону. Как?! Вы с ним не пересеклись? Он ведь даже с вами поздоровался, я собственными глазами видел. Четвёртая – Захара отправили в библиотеку. Пятая – Захара отправили за мелом. Шестая – у Захара зачесалась голова, и он в медпункт пошёл, на вши проверяться. И последняя – У Захара живот скрутило, он уже три раза в туалет бегал, хотите проверить?

И тут над головами раздалось:

– Грелкин и Кузькин, стоять!

Захар обернулся, нацепляя отрепетированную в Жигулях улыбочку пай-мальчика. Озерова Елена Дмитриевна смотрела требовательно и вопрошающе.

– Ну как, прошёл живот? А вши не подтвердились?

– Живот прошёл, к счастью. А ведь так плохо было, так плохо, – заныл Грелкин. – И тошнило, и всё остальное, да по несколько раз. Не ешьте вы сосиски в нашей столовке, Елена Дмитриевна!

Озерова побледнела на секунду, из чего Захар со злорадством решил, что сосиски уже были опробованы.

– Так что всё теперь хорошо, Елена Дмитриевна. Ведь главное для человека что? Здоровье, а остальное заработаем. Собственным трудом и зубрёжкой заработаем. А вот вши, кажется, подтвердились. Вшивый я маленько, Елена Дмитриевна.

Озерова отступала шахматным конём, сделала несколько шагов назад и вбок.

– Ну смотри у меня, Грелкин, – сказала она фальцетом, звучало это как «Ну, заяц, погоди!» – сейчас родительское собрание будет, мы обо всём побеседуем с твоими родителями. А сейчас марш на английский!

– Эх, зря я лихо разбудил, – вздохнул Захар, – тем более перед собранием. Ой, получу дома.

– Порвёт тебя мамка, как Тузик Грелку, – проговорил Кузька приевшуюся, а оттого совсем не смешную шутку и постучал в дверь кабинета английского.

– Да! – рывкнула англичанка вполне по-русски и набросилась на опоздавших. – Вы бы ещё через двадцать минут пришли!

– Извините, – пропищал Захар, прошмыгивая за Кузей к общей парте. – У нас с самой Еленой Дмитриевной Озеровой был разговор.

Через пять минут Кузя ткнул друга локтем в бок и кивнул на окно. Захар придвинулся поближе и вытянул шею. Внизу по дороге, в лёгком плащике бронзового цвета, торопилась на собрание мама Кузи.

– Первый раз идёт, – с нежной гордостью протянул друг. – Обычно папка моим образованием занимается, теперь у мамки боевое крещение произойдёт!

– А у меня наоборот, – вздохнул Захар, – папаня на собраниях ни разу не был. Фууу.

– Что фу? – взвился Кузя. – Таракана увидел?

– Хуже! Опять эта Ряженка на меня тарашится.

Кузя перевёл взгляд на соседний ряд и противно хихикнул. Толстая, как два мамонта, Надя Сметанкина под кодовыми кличками «Ряженка», «Простокваша» и «Сыворотка» была влюблена в Захара с самого первого класс. И, вот бессовестная, даже не скрывала этого! Грелкин же испытывал к ней стабильное отвращение. Однако у Кузи были свои предположения на счёт того, точнее той, кто вызвала у привереды неподдельную симпатию.

– Слушай, – завертел головой Грелкин. – А где Кулебяка?

И, кажется, эти предположения оправдывались!

– Не вертись, – зашипел Кузя, словно уменьшаясь под гневным взглядом англичанки. – Сбежала твоя Кулебяка, ещё со второго урока улепетнула. Я, было, подумал, что вы вместе сговорились.

Захар вздохнул. Антонина Кулебяка была в их классе величиной непостоянной и крайне загадочной. У неё даже места не было – сидела, где хотела, то на первой парте появлялась её светловолосая голова, то на последней. Жила она вообще одна, родители вечно по командировкам мотались; уроки прогуливала, и никто ей за это не выговаривал. Знала слова на каком-то малоизвестном общественности языке, играла на скрипке, одевалась в то, что на других девчонках выглядело кошмарно комично, а на ней ничего так, оригинально. И даже над фамилией её дурацкой никто не смеялся и исподтишка не хихикал.

Кузя снова ткнул пальцем в окно, и Захар увидел внизу спешащую на собрание маму. Мысли о Кулебяке как ветром сдуло.

2.

Демьян легко нашёл в заборе шатающуюся доску и, отодвинув её, пролез к Дому.

Оказалось, что на него, как и на многие произведения искусства, лучше смотреть изда-лека. Только охватив взором картинку полностью можно было оценить весь замысел архитектора, вблизи же это было обычное строение, бесцеремонно разрушенное временем. Трещины на штукатурке, разбитые окна любоваться деталями не мешали, однако впечатление портили изрядно. И всё-таки... Было что-то в этом Доме особенное. Не производил он того унылого гнетущего впечатления, что исходит от обычных заброшенных домов. Этот Дом был светлым. Как бы это объяснить... Словно вырываешься из загаженного города на природу, выходишь из машины на сверкающе белый, не тронутый никем снег или в лес летом... Стоишь среди сосенок, глядишь на лучи пробивающего себе дорогу солнца, и дышишь!

И вот здесь, в выстроенной людьми клетке для никому оказавшегося ненужным дома, среди кирпичей, пыли и грязи, Демьяну дышалось ой как хорошо. Восторженно дышалось, как дышалось только единственный раз в детстве, при первой встрече с морем.

Внутри он пробрался через окно. Комнаты первого этажа были большими и пустыми. Мебели не было совсем. Ни прикрытых обветшалым тряпьем шкафов и диванов, ни кроватей и стульев, не было вообще ничего, что могло исподволь, полунамёками рассказать о своём хозяине. Только на полу время выстроило труднопроходимые горы из кирпичей, обломанных панелей и бордюров, мох и различные выющиеся сорняки плели ковёр с заранее неизвестным узором. Вот интересно! – на улице вся трава пожухлая, грязная, сморщенная от ночного холода, а здесь, на полу первого этажа, особенно в некоторых комнатах, трава свежая, сочно-зелёная.

А ещё солнце каким-то хитрым ходом пробиралось во все комнаты, даже в те, в которые не могло заглянуть по всем законам природы. И пахло-то в доме солнцем, теплом и свежестью, а не извостью и затхлостью, как полагалось по статусу всем заброшенным домам.

Демьян провёл рукой по стене, на ладони ничего не осталось – ни пыли с паутиной, ни кирпичной крошки. Не скрипели половицы под башмаками Демьяна, Дом вообще не выказывал гостю своего интереса, был равнодушным к его присутствию.

Демьян поднялся на второй этаж. Всё то же самое. Ему стало скучно. Конечно, здорово побродить здесь однажды, но... Дом слишком много сулил наблюдателю, но не утолил и капли любопытства, не раскрыл все карты, не рассказал ни одного секрета, а они были. По крайней мере, Демьян на это рассчитывал.

Поднявшись на последний, третий этаж, он заметил узенькую лестницу на чердак. Вот, уже теплее! На чердаке-то тайн и секретов обычно полно. Ну хотя бы старые дневники или пахнущие нафталином шубы обитательниц... Увы. Чердак был также пуст, только слуховое окно, единственное во всём доме, имело целое стекло.

Демьян подёргал раму, потрепал заржавевший крючок, поднажал плечом, но окно было глухо к этим стараниям. На фоне такого спокойного сопротивления попасть на крышу захотелось ещё больше, к крышам Демьян испытывал особую тягу. Может, снаружи забраться на крышу будет удобнее, может, целая какая-нибудь лестница.

Напоследок Демьян прошелся по третьему этажу. И это его впечатлило – он услышал звук! Впервые за время пребывания здесь его шаги звучали. Под ногами скрипели половицы, хрустела строительная крошка.

Около двадцати комнат насчитал в общей сложности Демьян.

Он подошёл к окну, опёрся на подоконник. Вытянул руку, чтобы ощутить прикосновения ветра. И наткнулся на преграду. Что за ерунда? Он собственными глазами видит зазубрины стёкол по краям, понимает, что стёкла давно разбиты, их попросту нет. А трогает – и упирается пальцами в абсолютно цельное стекло!

Демьян хмыкнул и посмотрел вперёд. Он ожидал увидеть то, что и должен был видеть с этого ракурса – высоченный деревянный забор, призванный ограждать Дом, ждущий своего конца от таких вот любопытствующих зевак; чуть выше, если поднять глаза, заднюю сторону больницы, и в просвете небо, не по-осеннему голубое и ясное.

Но вместо этого он увидел улицу, пыльную серую улицу. По ней шли люди. Сначала быстрым шагом прошли две женщины, потом пробежала толпа мальчишек. Совсем рядом, что можно было рукой достать, неторопливо прогулялась парочка – молодая девушка с двумя косичками улыбалась словам парня, ведущего её за руку. Все они были одеты в простую одежду, которую у нас много лет уже никто не носил.

– Минуточку! – воскликнул Демьян. – Я, как-никак, нахожусь на третьем этаже!

Он поморгал, но видение не пропадало. Тогда он замахал руками, чтобы на него обратили внимание.

Похоже, это было не видение, просто за окном Дома протекала жизнь. Люди, которых он видел через окно, продолжали идти по своим маршрутам и абсолютно не замечали его.

Демьян чувствовал себя так, будто стоит в океанариуме, наблюдает за жизнью морских обитателей, а им нет никакого дела до зрителей.

3.

– Сейчас, сейчас, Антонина! – кричал из ванной Профессор. – Сейчас я умоюсь и сварганю такой обед, пальчики оближете!

– Я умею готовить, – крикнула в ответ Тоня. – Давайте яичницу пожарю.

Профессора с его нехитрым скарбом разместили в гостиной, там был удобный диван и большой шкаф с книжками – всё, что должно было понадобиться гостю, по мнению Тони и её родителей. Профессор действительно был неприхотлив, он изъясился из рюкзака умывальные принадлежности, и, судя по бульканью, чувствовал себя в ванной, как рыба в воде. Вернулся он покрасневший и довольный и тут же загремел сковородками.

– Так-с, а это у нас что? А это? Всё, разобрался!

Тоня хмыкнула и ушла в свою комнату – кажется, тут без её руководства не пропадут. Сама она, будучи в гостях, вечно стеснялась, терялась, и вообще показывала себя не с лучшей стороны. Язык прилипал к нёбу, не позволяя нормально ни есть, ни отвечать на вопросы. Только там, где Тоня чувствовала себя как дома, девочка могла полностью расслабиться. Ведь дома и стены помогают.

Посторонних людей она тоже дичилась, но дедушкиному школьному другу, который так мечтал побывать в этом городке, Тоня отказать не смогла. И пока не пожалела – Профессор явно был личностью неординарной и интересной. Да и родители были рады этому визиту, ведь дочка под присмотром.

Из кухни потянуло жареной картошкой и чем-то сладким. Причесавшись и помыв руки, Тоня вернулась к гостю.

– Оо, какой аромат! И как вы так быстро всё успели?

– Я в юности даже на костре обед из трёх блюд сооружал. В экспедициях, знаете ли, Антонина, разное происходило, и продуктов мало было, и сил не оставалось... А здесь, в этом современном мире, который положил к нашим ногам все технические открытия, здесь, где у нас есть микроволновка, индукционная плита, мультиварка и всякая овощерезка, любой малыш сможет приготовить для себя ресторанный обед.

– И, тем не менее, – оглядела Тоня кухню, – вы ничем, кроме сковородки и обычной плиты не пользовались.

– Ну дай хоть поковырять старику всякими новомодными словечками! Естественно, для меня эта мультиварка как космический корабль. Я уж по старинке, так вернее. Правда, еще миксером пользовался, банановый коктейль взбил.

– Но у меня не было бананов.

– У меня были. Ещё перед отъездом купил и забыл про них, пустоголовый. Они и почернели совсем. Не пропадать же добру!

Тоня мигом смела хрустящую картошку, оладушки с вареньем, выпила три стакана густого коктейля, вытянула ноги, отдуваясь, и решила, что жить со взрослыми вовсе не так уж плохо. Она почти провалилась в сон, когда Профессор, domыв тарелки, похлопал её по плечу.

– Ну, хозяйшкa, куда пойдём?

– Пойдём? – удивилась Тоня. – Я думала, вы с дороги отдыхать будете. А уж завтра...

– Какой может быть отдых, Антонина! Какой отдых, когда этот огромный и разнообразный мир стоит такой непознанный! Стоит и ждёт сногшибательных открытий, раскрытия своих удивительных загадок, новых талантов и подвигов! Вперёд, Антонина, он ждёт нас!

С этими словами Профессор двинулся на балкон. Тоня бросилась за ним. Уж не пришло ли ему в голову кинуться в объятия мира с девятого этажа?!

Профессор стоял, облокотившись на перила, и смотрел на город.

– Казалось бы, обычный маленький городок, – заговорил он, почувствовав девочку за спиной, – но всё ли так просто?

– Так и есть, – кивнула Тоня, – обычный городок и больше ничего. Всё просто.

– Вам здесь скучно? – Профессор так удивился, что повернулся к Тоне и уставился на неё как на редкую молекулу.

Тоня смутилась.

– Нет, вовсе не скучно, я и четверти не исследовала. А ведь на каждой улице своя атмосфера, свои дома, строения, памятники и интересные закоулки. Разные люди, опять же, за которыми интересно наблюдать.

– Вот! О чём я и говорю!

– Я ведь не спорю. Здесь как везде.

– А что это за дом? – заволновался вдруг Профессор, указывая на Стрыгинский особняк. – Уж не то ли это, о чём я думаю? Ну нет, не может всё быть так очевидно!

– Это дом купца Стрыгина. Был здесь когда-то богатей, злобный дядька, замучил кучу народу, а сам жил вполне припеваючи.

– Вот, значит, как говорят... Ну-ка пойдёмте туда прямо сейчас. Пойдёмте-пойдёмте, сами мне скажете, может ли этот дом принадлежать злодею.

4.

Родители потихоньку собирались в школе. Мама Грелкина пришла не первая, и даже не в первой десятке. Но ведь не на чемпионат мира с раздачей золотых медалей приглашали. Тем более самой виновницы торжества даже поблизости видно не было. Родители топтались перед кабинетом русского языка и литературы, и роптать не смели.

Мама Грелкина стояла в стороне, у окна. Она кивала знакомым и одним глазком разглядывала незнакомых родителей. Особенно её внимание привлекала молодая женщина в модном плащике, особенно плащик... Он был со всякими вышивками, заклёпками и висюльками, и мама Грелкина всё пыталась рассмотреть, не в виде черепов ли эти висюльки?! Если в виде черепов, это уж совсем наглость молодёжная, хотя и смотрится очень прилично.

Вскоре обладательница плащика не выдержала такого пристального внимания и сама подошла поближе.

– Я Кузькина мать, – оповестила дама и протянула для рукопожатия руку.

Мама Грелкина ахнула, а потом расхохоталась.

– Я уж подумала, вы выругались!

– А это я так здороваюсь!

– А я Грелкина мама, – объяснила она и пожала руку.

Кузькина мать ей очень понравилась – и непосредственным поведением, и плащиком. А заклёпки оказались вовсе даже и не в виде черепков, просто абстрактного вида заклёпки.

– Я всё стесняюсь спросить, – замялась мама Грелкина, – очень стесняюсь. Вы простите меня великодушно, я забыла, как вашего сына зовут на самом деле.

– Ах, это! Ничего страшного! Мы сами, знаете ли, иногда забываем, всё Кузя да Кузя, с лёгкой руки Захара.

– Я о вашем Кузе слышу каждый день такие небылицы! А с вами так ни разу и не встретились.

Кузькина мать развела руками:

– Обычно муж на собрания ходит, но сегодня я отважилась.

– А мой наоборот, – пожаловалась мама Грелкина, – совсем учёбой сына не интересуется.

И зря, между прочим, она это сказала. Потому что именно в эту минуту папа Грелкин зашёл в школу. С собой он привёл пятилетнюю Анфису, которую благополучно забрал из детского сада. О том, что всё не настолько благополучно, папа Грелкин не догадывался. Например, воспитатели так и не осмелились сказать ему, что Анфиса с сегодняшнего дня выглядит

немного по-другому. Девочка раздобыла ножницы и обкромсала свою каштановую шевелюру, в результате чего стала больше похожа на мальчика. На Захара в детстве.

Но ничего этого папа Грелкин не заметил, потому что Анфису ему предоставили сразу в шапке, и вообще он был не очень-то наблюдательный. Из-под шапки кокетливо выбивалась одна прядь, самая длинная, и этого папе хватило, чтобы вдоволь полюбоваться своей красавицей дочкой и купить ей шоколадку.

Папа Грелкин зашёл в школьный вестибюль и огляделся. Сколько лет он не был в школе, а ничего не меняется, подумать только! Даже охранник на рабочем месте отсутствует, а говорят ещё, что меры безопасности теперь усилены.

Найти нужный кабинет не проблема, для начала нужно было решить, куда определить Анфису, не тащить же её с собой.

Папа Грелкин стал заглядывать в каждый кабинет по порядку, зажмурился и слушал свой организм. Но организм не откликнулся ровным счётом ни на какое помещение. Зато Анфисин организм откликнулся на все кабинеты сразу.

Особенно на кабинет географии, где во всю стену висела красивая голубая карта, а на столе стоял глобус. Но там шёл урок и непрошенных гостей попросту вытолкали за порог.

Особенно на кабинет биологии, где в углу стоял симпатиченький скелет. Но там тоже шёл урок и с непрошеными гостями поступили точно так же.

Особенно кабинет музыки, чьи просторы бороздил величественный рояль-корабль.

Особенно физкультурный зал. Он заинтересовал и папин организм тоже. Оба организма немного попрыгали на матах, повисели на канате и поперекидывали мяч со старшеклассниками.

Мимо медицинского пункта, пахнущего бинтами и валерианкой, организмы прошмыгнули как мышки.

И, вжившись в роль, совсем по-мышьиному оказались в столовой.

Сначала папа Грелкин решил оставить дочку именно там, в компании с беляшами и ватрушками, но потом передумал и отвёл её в библиотеку. К счастью, там заседала милая тетенька с причёской, похожей на взбитые сливки. Тетенька обещала присмотреть за Анфисой, и папа Грелкин со спокойным сердцем отправился искать Озерову Елену Дмитриевну.

Глава третья, в которой все нужные дороги пересекаются

1.

Озерова Елена Дмитриевна завела родителей в класс и подождала, пока те рассядутся. Ну, совсем как ученики, и не отличишь. Грелкина и Кузькина даже уселись вместе и шушукуются, совсем как сыновья.

– А ну-ка цыц! – сказала она громко и, когда родители притихли, начала говорить речь. Заранее ничего она не готовила, да и день был сумасшедший, не до того было. Поэтому говорила экспромтом, о том, что в голову приходило. О первом сентября, о недавно прошедшем дне учителя, о деньгах на ремонт класса, и на прочие подарки учителям, об учебниках и успеваемости, о модном плащике Кузькиной мамы. Хотя нет, о плащике она только думала, разглядывала, но промолчала.

Когда доставала классный журнал, чтобы наглядно продемонстрировать предкам успеваемость ненаглядных отпрысков, Елена Дмитриевна почувствовала, что чего-то не хватает.

Чего-то совершенно определённого. Исчезла книжища с кото-лисом на обложке.

«Как появилась, так и исчезла», – подумала Озерова с некоторым облегчением. – «Наверняка ученики баловались. Но если она ещё когда-нибудь попадётся на глаза, надо повнимательнее изучить».

Дождавшись, пока все родители запишут, сколько денег надо будет принести в течение недели, Елена Дмитриевна приступила к любимой части программы – к истязаниям. Тут у неё к каждому имелся индивидуальный подход. Кому-то достаточно было рассказать про плохое поведение ребёнка на перемене, и он пламенно обещал исправить ситуацию. У кого-то нервы были покрепче, и им о детских похождениях Озерова рассказывала красочно и долго, иногда приукрашивая события.

2.

Улица, видимая из окна, продолжала жить своей жизнью. Она никуда не исчезала.

Демьян для проверки спустился вниз, присмотрелся к тамошним окнам, но они были обычными, из них открывался привычный вид на собственный город, на который опускались сумерки. Пахло дождём и сыростью. Демьян высунул руку на улицу, и она прошла, не ощущая преград. В ладонь опустился жёлтый тополиный листок. Ничего удивительного, поблизости растут старые скрипучие тополя. Демьян положил листок на подоконник и пожевал нижнюю губу.

Значит, дело только в одном окне, и это было окно в мир, где сейчас сухое пыльное лето, где люди идут по своим делам. Или это далёкое прошлое, которое протекало здесь много лет назад, и Дом был его свидетелем? И до сих пор он хранит память о своей улице...

Или это просто мираж? Улица – призрак.

В призраков Демьян не верил только лишь потому, что не сталкивался с ними. Но некоторые истории, слышанные им, казались вполне достоверными. Бывают дома с приведениями, а это просто Дом с Окном.

Он снова направился к особенному окну. Издалека оно выглядело совсем обычным, но стоило подойти и замереть, как в нём, словно на фотографической плёнке, проявлялась чужая жизнь.

Просто дом, просто окно, если не быть уверенным, что на самом деле за этим окном должно быть совсем другое.

Демьян стал смотреть внимательнее, теперь он начал обращать внимание на детали, мелочи.

Всё выглядело слегка наигранно, фальшиво. Растянутые в улыбках лица, ласковые взгляды, добродушные перемигивания. Или он настолько привык, что люди проходят мимо, уткнувшись в экраны гаджетов, погрязнув в своих мыслях, что обычная человеческая приветливость кажется сейчас фальшью.

И люди... То ли одни и те же, то ли просто очень похожи между собой... А ещё по дороге несколько раз прошмыгнула настоящая лиса.

А потом всё начало меняться. Люди побежали, они бежали и что-то кричали, окно звуки не передавало. Некоторые пробегали совсем рядом, почти касаясь окна, Демьян четко видел их испуганные глаза, изогнутые в вопле рты, руки, волосы. Мужчины, женщины, дети, старики. Все бежали справа налево, и Демьян не мог видеть, от чего они скрываются, что так напугало их, слишком небольшую площадь посчитало нужным показать ему окно.

В один миг всё вспыхнуло ярким пламенем и заволочло чернотой.

3.

Едва прозвенел звонок, седьмой «Б» как ветром сдуло из кабинета английского.

– Я домой не пойду, – отрапортовал Кузька. – Буду маму ждать. Не одной ведь ей по темноте идти.

– Я тоже не пойду, – заявил Захар, подумав. – Как будто бы не пойду, понимаешь? Меня словно нет, но на самом деле я есть.

– Мда-а, – протянул Кузя и потрогал лоб друга.

– Да ты не понял, – разозлился Грелкин, отбрасывая Кузькину руку. – Я буду здесь, с тобой. Разведаю обстановку на собрании, прослежу, подслушаю. Если мама будет в хорошем настроении, в чём я очень сомневаюсь, я её подожду, домой вместе пойдём. А если будет рвать и метать, я домой шурану скорее и спать лягу. Утро вечера мудренее.

– Идёт! – одобрил Кузя идею.

– Идёт! – одобрила идею Надя Сметанкина.

– А ты-то куда лезешь, Ряженка?! – не понял прикола объект её обожания. – Мы тебя с собой не звали, между прочим.

– А я... Я тоже маму с собрания жду.

– А она разве пришла? – удивился Кузя.

– Что-то мы не видели кого-то, похожего на тебя габаритами!

Школа пустела, гасли окна и закрывались на ключ кабинеты. Захар с Кузей носились по коридорам, Сметанкина едва поспевала за ними. Она была молчалива и крайне заботлива – подобрала с пола грязный ранец Захара, а за компанию и Кузькин, и таскала их с собой, чтобы не потерялись. Пацаны заботу не ценили, они убегали от неё, обзывались, кидались чем-то мелким, наскакивали из темноты с завываниями и пугали. Надя тоненько вздыхала и совершенно не злилась.

Возле родного кабинета русского и литературы ребята притихли.

Сметанкина с пыхтением взобралась на третий этаж, свалила рюкзаки в кучу и прижалась спиной к стенке. Кузя уселся на высокий подоконник и болтал ногами.

Захар стал заглядывать в замочную скважину и доносить обстановку.

– Ой, не нравится мне, что там происходит, – шептал он Кузе и прикорнувшей поблизости Сметанкиной. – Лицо у неё больно злющее.

– У Озеровой? – уточнял Кузя.

– У мамы! Так и хлещет указкой из стороны в сторону.

– Мама? – удивлялся Кузя.

– Да Озерова! – объяснял Грелкин и мчался назад.

Пристраивался к скважине то ухом, то глазом, и через некоторое время снова возвращался для доклада.

– Теперь твоей маме что-то выговаривает. А у неё улыбка на всё лицо, будто бы ты самый примерный ученик во всём мире. Не понимаю, почему так происходит. Или Озерова забыла, кто кинул карандашом в портрет Есенина, и с каким свистом этот Есенин летел вниз?! Или она забыла, по чьей вине контрошка по литературе сорвалась? Или она забыла, кто стихи Блока в неприличные переделал?!

– Тихо, тихо, тихо, – заволновался Кузя, заёрзал на подоконнике. – Это давно было, я с тех пор много хорошего сделал.

Бежали минуты, сворачивать болтовню Озерова и не собиралась. За окном совсем стемнело. Кузя прижался носом к стеклу, и увидел лишь отражение своих глаз на фоне темноты. Он отвернулся от окна, сложил руки на груди и задремал.

Лица родителей, насколько позволяла видеть замочная скважина, претерпевали изменений – они грустнели, краснели, бледнели, злились, что-то обещали, и очень редко улыбались.

Скоро от эмоций у Захара зарябило в глазах, и он почти уснул, прислонившись к двери боком.

Сметанкина полюбовалась сонным Грелкиным издали, достала из своего портфеля толстую книжку и стала читать.

4.

– Может быть, мы лучше завтра пойдём? – пищала Тоня, мчась за Профессором.

Хорошо ещё без роликов в этот раз, а то точно бы пересчитала носом все ступеньки и выбоины.

– Может, всё-таки завтра? Сейчас уже темнеет! И вы, должно быть, устали с дороги... Хотя кому я это говорю? Пенсионеру, который обогнал меня на полквартала?!

А потом Профессор нырнул куда-то за угол и пропал. Тоне даже страшновато стало.

– Профессор! Профессор! – заныла она. – А как же я?! Я всё-таки ваш гид по нашему городу.

Одна из досок скрипнула, и из проёма появилась взъерошенная профессорская голова.

– Не отставайте, Антонина!

На фоне Профессора, бойко забравшегося по куче строительного мусора и нырнувшего в окно, Тоня почувствовала себя столетней развалиной.

– Вы только посмотрите, Тоня! Как здесь хорошо, как здесь вольготно!

«Что хорошего? – про себя удивлялась Тоня. – Может быть, битые кирпичи? Или стены какие-то особенные... Не понять мне восторгов Профессора».

– Как здесь чистенько, Антонина!

«Кхм, могут ли быть полуразрушенные стены чистенькими», – подумала Тоня и пригляделась.

Стены, которые были более-менее целы, действительно казались неестественно светлыми. Будто хозяева их побелили, вышли и не вернулись... Время эти стены потрепало, но не испортило окончательно.

– А звук?! Антонина, вы слышите?!

– Э-э, нет, ничего не слышу. По дороге машины проезжают, мы должны их слышать...

– Вот именно! – обрадовался Профессор. – А ещё шаги! Мы топчемся, а ничего не слышно. Ничегошеньки!

Тоня прислушалась, топнула. Тишина. Тогда она поддела носком ботинка кирпич. Тот откатился в сторону абсолютно беззвучно.

Потом Тоня обратила внимание на Профессора. Он выглядел абсолютно счастливым. И крайне странным. Он жался к стенам, гладил их руками, приставлял уши, чуть ли не целовал.

– Хм, – подала голос Тоня. – Сдаётся мне, вы что-то про этот дом знаете, Профессор.

– Ничегошеньки я не знаю, Антонина! Ну, или почти ничего...

Заинтригованная, Тоня поднялась вверх вслед за Профессором. Там было ничуть не веселее, чем на первом этаже.

А вот на третьем... Тоня даже сразу не поняла, что там было. И от страха схватила Профессора за локоть.

Сначала ей показалось, что у окна призрак стоит, он даже подсвечивается в сумерках. А потом пригляделась и поняла, что это парень, вполне живой. Из их школы, из десятого класса. Тоня иногда видела его в коридорах, обратила внимание. Да и как ни обратить внимание на такого? На дворе слякотная осень, а он стоит в заброшенном доме в светло-сером пальто весь чистенький! Он и в школе такой же ходит, чужеродный элемент. Белая ворона в прямом смысле слова. Глаза светлые, голубоватые; волосы, брови – всё одного белого цвета; губы тоненькие, характеризуют людей скрытных, заносчивых, точно-точно, во всех энциклопедиях написано.

«Аристократ» – сказала бы мама.

«Высокомерный типчик» – называла подобных Тоня. – «Чистоплюй. Брезгливый. Фу»

«Разве что нос у него красивый», – с ещё большей неприязнью подумала Тоня. – «Прямой, аккуратный».

Собственный нос, курносый, в виде кнопочки, вызывал у Тони рвотные позывы.

Только после такой развёрнутой оценки внешности Тоня задумалась – а чего, собственно, он тут делает, один, в развалинах. Вид у него однозначно болезненный... А глаза бешеные какие-то, брр.

Парень кинулся к вошедшим, как к родным, и стал говорить вещи, на Тонин взгляд, фантастические.

«Наркоман», – грустно подытожила она. – «Или просто псих. Осень, обострение».

Люди, окна, лето, паника, пожар...

А вот Профессор отнёсся к этому бреду с интересом. Но как всякий воспитанный человек, решил сначала познакомиться. Ведь даже поздним вечером, даже в самом странном доме, при встрече с парнем, несущим полную ахинею, интеллигентному человеку сначала положено знакомиться.

– Демьян, – представился парень, пожал руку Профессору и вопросительно посмотрел на девочку.

Тоня протянула руку в ответ. Его прикосновение оказалось холодным, как она и ожидала.

– Я профессор Матвей Иванович Катышкин, а эта милая леди – Антонина Кулебяка. Так что же здесь произошло?

Парень снова повторил свою ерунду про особенное окно, в котором шли люди

– Посмотрите же сами! – закончил он свой рассказ, и голос его дрогнул.

Тоня осталась стоять на месте. Профессор и Демьян шушукались у окна, и девочка не выдержала. Она сделала несколько шагов вперёд. Окно ей загораживал этот странный паренёк, но она и не торопилась туда глядеть. Она рассматривала его прямое пальто, которое осмелился бы надеть разве что франт королевских кровей или голливудский актёр, а не школьник; и дело было вовсе не в цене, дело было в общей смелости облика; разглядывала его волосы и кусочек уха. А когда перевела взгляд на окно... не поверила собственным глазам.

Глава четвёртая,

в которой происходит то, что тайно готовилось многие годы

1.

Сметанкина достала из своего портфеля толстую книжку и начала читать. Открыла наугад с середины, хотя если бы начала с любой другой страницы, точно так же ничего не поняла.

Читала Сметанкина неуверенно, как первоклассница водила пухлым пальчиком по строчкам.

В это время раздался какой-то странный звук. Будто кто-то поблизости чиркнул спичкой и поджёг дрова. И они трещат, так весело, празднично даже. Только что-то совсем не праздничное стало происходить в кабинете русского языка и литературы.

Озерова Елена Дмитриевна замерла на месте, вытянулась вся как струна, а потом резко метнулась к столу.

Захар дёрнулся, припал к замочной скважине; он вообще не мог понять, что происходит.

Родители взялись за руки и стали в унисон тянуть гласные звуки.

Озерова что-то целенаправленно искала в своём столе, в стороны летели учебники, томики стихотворений, тетради учеников и даже неприкосновенная ценность – классный журнал. Наконец она нашла, Захар не понял, что именно. Елена Дмитриевна вытянула руку вверх, что-то сверкнуло в её пальцах, и тогда Захар отчётливо разглядел, что это были ножницы.

Стремительно учительница полоснула по запястью, выступила кровь.

Захар ойкнул и сел на пол. Он бы и в обморок шлёпнулся, но заметил, что Сметанкина выглядела не менее чудно, чем классная руководительница. Она стояла посередине тёмного коридора, держала на вытянутых руках толстую книгу и громко произносила странные слова.

Звук потрескивающих в камине дров становился всё громче. Захар потянул носом, но гари не учуял.

Голос Сметанкиной звучал всё увереннее, чётче. Незнакомые слова упругими мячиками вылетали из её рта, стучали по стенам, заполняли собой пространство.

Захар снова приник к замочной скважине.

Озерова подняла глаза вверх и стала что-то выкрикивать.

Голос Сметанкиной обрёл небывалую силу, рокотал, ревел как водопад.

Озерова упала на колени и стала рисовать на полу какие-то символы. Родители единодушно подскочили и стали качаться стоя, не прерывая своей монотонной песни.

Озерова размашисто чертила на полу иероглифы.

Треск огня становился оглушительнее, он больше не был похож на потрескивание дров в камине, так гремел настоящий пожар.

Захар чувствовал, как пространство вокруг становится тягучим, липким как свежий мёд. Шевелиться и делать какие-либо движения было очень тяжело. Захар поднялся на ноги, он хотел бежать, мчаться к Сметанкиной, чтоб она, наконец, заткнулась, стала прежней и прекратила это безобразие. Она была близко, стояла в нескольких десятках шагов впереди, но ноги не слушались Захара, словно он бежал по дорожке из жевательной резинки, каждый шаг давался с трудом.

Шум и голоса слились воедино. Захар вытянул руки, чтобы выбить книжку. Но не успел. Раздался оглушительный треск, и наступила полная тишина.

2.

Сначала, когда в Доме появились люди, Демьян испугался. Он вглядывался в полутьму, силился разглядеть незнакомцев и понять, что делать – бежать или просить помощи.

На пороге стояли девчонка и взлохмаченный старик. Они смотрели на него настороженно, видимо, решая ту же дилемму. Демьян узнал девчонку, она училась в его школе, классе в седьмом. Он мог бы и вовсе не запомнить её, не замечать в многолюдных коридорах, если бы не одежда – синий вязаный свитер, оранжевая юбка до колен, вышитая цветами, и колготки в разноцветную полоску, светло-зелёные ботинки без каблуков и кремовый шарфик вокруг шеи. Первый класс, вторая четверть, ярко и по-детски выглядело бы это на любой другой девчонке, с современным лицом и губами уточкой. А на этой, голубоглазой, с открытым лицом, обрамлённым абрикосовыми волосами, немножко старомодной, немножко сумасбродной этот ансамбль смотрелся очень даже органично. Выглядело всё как-то уютно, по-домашнему, навело мысли о дождливой осени и приближающейся зиме, словно девчонка – это не девчонка вовсе, а тёплая шерстяная шаль или кресло-качалка с пледом и большой кружкой чая.

А вот старичок был незнакомцем. Но со своими добрыми глазами, круглым большим носом и морщинами вокруг рта и глаз, очень располагал к общению.

И Демьян почувствовал непреодолимое желание рассказать о том, что только что увидел, разделить своё безумие с кем-то равнодушным, и, кажется, тоже вполне допускающим чудеса.

Поначалу гости отнеслись скептически к его словам. Девчонка уж точно. Она так многозначно отводила глаза, тарасилась в сторону, чуть ли не от смеха давилась, будто он рассказывал про вторжение на Землю инопланетян в красных боа.

Старичок, который представился Матвеем Ивановичем Катышкиным, оказался более доверчивым. Он первым подскочил к окну, потом соизволила подойти девчонка. Она нетерпеливо пыхтела за спиной Демьяна, ковыряла ногой пол, он позвоночником чувствовал её насмешку.

Демьян с замиранием сердца ждал. А что, если Дом на это раз решил прикинуться обычным? А вдруг он обычным и был, и всё происходило только в его воображении?! Потом он увидел знакомую уже улицу, часть трёхэтажного дома, рядом виднелся дом чуть пониже. По дороге скользила лиса. Мир за окном продолжал существовать, но Профессор Катышкин явно

ничего не видел. Девчонкино сопение усилилось. Она явственно подавала Профессору знаки – не верьте рассказам этого психа, он обычный городской сумасшедший.

А через минуту она замерла и даже забыла сопеть. Профессор напряг спину. Демьян возликовал про себя – они видят то же, что и он!

– Вы видите улицу? – на всякий случай уточнил он.

Профессор поднял указательный палец и помахал им, чтобы Демьян немного помолчал.

По улице, видимой в окне, шли две девушки, они держались под руки и хихикали, что-то обсуждая. Совсем рядом пробежали с мячом мальчишки. Демьян разглядел их перепачканные мордашки и хитрые глаза. Из дальнего дома вышел бородатый мужчина. Он сделал несколько шагов вперёд и замер, а потом его глаза наполнились ужасом. Он рванул назад в дом. Через мгновение оттуда хлынули люди, кто в чём был. Помогая друг другу и крича, они убегали вдаль. Улицу стремительно заволокло дымом, кое-где полыхали языки пламени. Огонь сжирал деревья и строения.

Демьяну снова стало до одури страшно, будто горел его собственный дом, будто огонь уносил ценные частички его собственной жизни. Он знал, что если дотронуться до невидимого стекла, оно будет холодным, но оно чернело от копоти с той стороны, и вскоре улица пропала из зоны видимости.

А ещё через мгновение на стекле проступили слова на незнакомом языке.

Все трое наблюдателей отпрянули от окна. А девчонка вдруг прочитала охрипшим голосом:

– И не стало града Сулежа.

Глава пятая, в которой никто ничего не понимает

1.

В голове у Захара стоял гул, как после контузии. Он на нетвёрдых ногах поднялся с пола и огляделся. Кузя сидел на полу у батареи и хлопал себя по ушам. Сметанкина, бледная, как все её прозвища, стояла посередине коридора и зажимала рот обеими руками. Толстая книга валялась у её ног.

– Ма-альчики, – плаксиво спросила Сметанкина, опустив руки, – а что это сейчас произошло?

– Ты это у нас спрашиваешь? – взвился Захар. – Устроила тут колдовскую оргию и глазами хлопает!

– Что устроила?

– Тебе лучше знать, Сыворотка противная, – рывкнул Захар и бросился к двери родного кабинета.

Внутри было тихо. Озерова сидела на полу в позе лотоса, а родители – за партами. Можно было подумать, что там всё относительно нормально. Захар так сначала и подумал, но потом понял, что они не шевелятся. Вообще. Сидят, как восковые фигуры.

– Мама, – позвал Захар тихонько.

В кабинете ничего не происходило.

Тогда Захар стал дёргать ручку. Дверь не поддавалась.

– Открывайся же, мерзкая дверь, – завопил Захар, с остервенением бросаясь на неё. – Мама! Елена Дмитриевна, откройте! Мы всё видели! Мы ничего не скажем, только откройте!

Наконец отмер Кузя. Он подбежал к другу и закричал:

– Что вообще произошло? Мне объяснит кто-нибудь?!

– Я не знаю! – крикнул в ответ Захар и схватился за голову. – Я не знаю! Они не открывают. Это Надька во всём виновата.

Надька стояла в стороне и краснела, как стремительно спеющий помидор. Это она так зареветь готовилась.

Кузя не любил слёз, слёз Сметанкиной особенно. Сейчас начнутся все эти сопли, слюни, вырывания волос, всхлипывания на три часа...

– Давайте разберёмся по порядку, – сказал он быстро. – Я немного уснул, а когда проснулся, решил, что ещё не проснулся.

– Я своими глазами всё видел. Это кошмар какой-то был. Озерова схватила ножницы и стала себе руки полосовать.

– Да ладно? Не может быть.

– Я тебе отвечаю! Посмотри, там на полу кровь видно.

Кузя долго кряхтел у замочной скважины и так и сяк пристраивался, но ничего конкретного не разглядел.

– Не видно ничего. Но я тебе верю, Захар.

– Спасибо, – был польщён Грелкин. – Она выглядела как одержимая. Металась, кровью этой обливалась, чертила что-то на полу.

– Может, она террористка-смертница, – предположил Кузя.

– Для смертницы она выглядит слишком живой, только обездвиженной... А родители тоже были какие-то странные, вставали все хором, вопили что-то.

– Может, они её отговаривали? А еще может быть, что она их газом парализовала! Есть разные газы – веселящие... парализующие.

– Нет, – оттрнул идею Захар. – Мне кажется, тут в другое дело. Это была магия.

– Хм, может быть. Ведь поговаривали, что Озерова колдовством балуется, помнишь? Нас с самого начала пугали, что если мы к урокам готовиться не будем, она на нас проклятия наслёт.

– Ерунда всё это. Ряженка во всём виновата.

Захар подбежал к валяющейся на полу книге и поднял её.

С книги на него смотрел рыжий зверь с тремя глазами. Тот глаз, что на лбу, был самый большой, ярко-зеленый.

– Что это? – спросил Грелкин, тыча книгой в лицо Сметанкиной.

– Не знаю, это не моё! – отпрянула Надежда, щёки её снова начали заливаться краской.

– А чьё? Отвечай, где взяла? – наседал Захар.

– У ма... Не важно, не скажу.

– Скажи, Надька! По-хорошему скажи, – прошептал Кузька.

– Нет.

– Говори, или я тебе по башке дам! – у Захара были более конкретные меры.

Надька зажмурилась и помотала головой.

– Нет, Надь, – вступил Кузя. – Он тебе не по башке даст, он тебя... поцелует!

Раньше, чем успела подумать, с языка соскользнуло:

– У Озеровой на столе лежала эта книга. Я её на время взяла.

– Я же говорил! – обрадовался Кузя. – Всё на Озеровой сходится. Это её колдовская книга! Целуй Надьку.

– Сам целуй, – надулся Захар. – Вот уйду я сейчас домой, а вы целуйтесь, сколько душа просит.

– Подожди, – испугался Кузя. – Нельзя уходить, что-то делать надо.

– Не уйду, – легко согласился Грелкин. – Конечно, не уйду. Буду Сметанкину допросу подвергать. Вот ответь мне, Надежда Сметанкина, почему ты вдруг решила достать книгу и читать её вслух, громко, своим противным-препротивным голосом?

– Я не знаю, – прошептала Надя со всхлипом. – Мне просто очень-очень захотелось её читать. Вдруг. Случайно.

– Пф, – скептически отреагировал на это заявление Захар. – Чтоб сильно читать захотелось? Да ещё так резко?! Не может такого быть!

Кузя решил присмотреться к книге внимательнее. Он потерев пальцами рыжего зверя на обложке, открыл книгу и крякнул.

– Надь, а как ты её вообще читала? Это какой язык?

Надя через его плечо заглянула в книгу.

– Не понимаю... Я вообще ни словечка не понимаю.

– А как тогда?! – заорали Захар и Кузя в один голос.

– Я ведь и тогда ничего не понимала... Просто открыла рот и полилось...

– Да уж, – хмыкнул Захар. – Плохо наше дело. А родителей – ещё хуже. Я же говорю, книги – зло! Полиглотка Сметанкина сунула нос туда, куда не следует и наслала на наших предков страшное заклятие. Действовала она в этом... в состоянии аффекта. Поэтому её даже из полиции отпускают. А зря! Такие, как полиглотка Сметанкина, должны иногда сидеть в тюрьме.

– Что за слово ты говоришь? – смутился Кузя.

– Ну, полиглот – человек, который на разных языках разговаривает, – объяснил интеллектуально развитый Грелкин.

– Не может такого быть, чтобы всё случилось из-за меня, – промямлила Сметанкина неуверенно.

– Конечно, ты никогда ни в чём не виновата. Кто на день именинника все конфеты съел, свои и чужие? Сами они съелись! Кто заклятие наслал на чужих родителей? Дух чтения!

– Ну правда, я не хотела этого делать. В меня вселилась какая-то сила, точно вам говорю!

– Прекращайте препираться, голубки! – шикнул Кузя, – давайте лучше подумаем, что нам дальше делать.

Думали они минут десять – мерили коридор шагами, морщили лбы, чесали затылки и сосредоточенно пыхтели; а потом Сметанкина предложила:

– Может быть, позовём кого-нибудь из взрослых?

– Глупое предложение, – парировал Захар. – Только слабаки зовут взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.